

*Посвящаю писателю
Николаю Стародымову*

С тех пор, как поезда пришли в движение, они ходят в любые времена. Во время военных действий многие семьи спасаются именно благодаря поездам. Их бомбят, взрывают, но люди едут на них из горячих точек бывшего Советского Союза, спасают свои жизни. А уж в мирное время и подавно без них не обойтись...

В купе одного из таких поездов ехала женщина уже немолодых лет, и была она очень рада, что наконец в поезде. Долгое ожидание на вокзале, множество взглядов, рассматривающих её, потому как была она ещё красива собой, утомили её. Любовь Андреевна много раз задумывалась над тем, что надо бы ей родиться не такой, быть как-то понеприметней. Недаром в народе говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой...»

Была она главным нормировщиком на огромном заводе. Муж работал начальником цеха. Узнав об измене мужа, сразу порвала с ним всякие отношения. Николай Антонович несколько раз каялся пред ней, стоял на коленях. Не помогло. Любовь Андреевна не простила и одна подняла двоих детей. Сын с дочкой уже самостоятельно работали на заводе, как и всех на земле, женщину радовали стремительно подрастающие внуки. Ехала она из города детства Кольчугино в Сибирь, где и жила уже двадцать пять лет. Похоронив маму, продав дом, думала теперь помочь деньгами детям. Шёл тысяча девятьсот девяносто пятый год, на работе ей грозило сокращение, завод разваливался на глазах.

«Хорошо, – думала Любовь Андреевна, – что в Сибири женщина уходит на пенсию в пятьдесят лет». И глядя на заводчан, которым было ещё далеко до пенсии, она, конечно, их жалела. И, как всякая мать, была довольна тем, что, получая пенсию, не будет в тягость детям. Дети жили отдельно, у неё была своя двухкомнатная квартира... Каждый человек, покуда коптит небушко наше русское, размышляет о жизни. Размышляла и Любовь Андреевна. Но мысли её прервал вошедший в купе новый пассажир. Мужчина на вид был лет сорока, лысоват, с солидным брюшком. Костюм на нём был новый, и, видимо, не из дешёвых. Закинув чемодан на полку и поставив возле себя довольно массивную новую, хорошего качества сумку, мужчина присел напротив попутчицы, тяжело вздохнул и проговорил:

– Здравствуйте, придётся вместе ехать.

Любовь Андреевна тихо произнесла:

– Здравствуйте.

Затем, немного о чём-то подумав, добавила:

– Поедем, что ж, коль надо ехать.

Лишь поезд тронулся, мужчина достал газету, расстелил её на столике, достал из сумки бутылку, опять же, видимо, дорогого коньяка, коробку шоколадных конфет. Затем появилась копчёная колбаса с сыром. С довольным видом нарезая снесь, мужчина представился:

– Меня зовут Евгений Валерьянович.

Дальше он заговорил намного быстрее:

– Вы, видимо, думаете, что в стране такое творится, а на столе такая еда.

Не думайте об этом, все люди живут по-разному, у кого-то получается жить, у кого-то – нет.

Евгений Валерьянович был сыном в прошлом высокого партийного работника, и ему никогда не приходилось думать о хлебе насущном. От армии он был благополучно отмазан. Теперь отец поставил его руководить фирмой. Но руководил в сущности сам отец, сын же был для отвода глаз. Любовь Андреевна не устояла перед таким яством, пригубила коньяка и съела одну шоколадную конфетку. Евгений Валерьянович усердно предлагал выпить ещё, сам он выпил уже три раза по полстакана и, осмелев, стал назойливо приставать к соседке. Женщина, уже покаявшись, что всё же сделала глоток коньяка, увидела в окно, как поезд остановился, и была этому несказанно рада. По вагону стали ходить люди, и это обстоятельство охладило пыл Евгения Валерьяновича. Двери купе открылись, вошёл коренастый мужчина, которому, на первый взгляд, было лет за сорок. Из всей его поклажи был один рюкзак, и то наполовину пустой. Поздоровавшись, он стал готовить постель на верхней полке. Лицо Евгения Валерьяновича стало недовольным и даже злым, Любовь Андреевна, напротив, была рада, хотя старалась не подать виду. Евгений Валерьянович вальяжно обратился к новому попутчику:

– Ну, чо, как там тебя, Серёга, что ли, садись, коньячку выпьем.

Сергей сел рядом с Евгением, выпили по полстакана. Евгений Валерьянович, не меняя своего вальяжного тона, спросил:

– Ну, кем трудишься?

Сергей, скромно посмотрев на Любовь Андреевну, затем на спросившего его попутчика, тихо ответил:

– Военный.

Евгений Валерьянович, ухмыльнувшись, быстро заговорил:

– Офицер, понятно. А знаешь, скоро, наверное, военных – под сокращение, вон у Ельцина с Америкой – дружба. Затем, недобро засмеявшись, Евгений спросил:

– Так ты здесь служишь?

Любовь Андреевна видела, как неприятен этот разговор новому пассажиру, но, не желая связываться с пьяным человеком, молчала. Сергей, собрав нервы в кулак, всё же сдержался и ответил:

– Мама у меня в деревне живёт, навещал.

Достав из рюкзака пироги, он разложил их на столе:

- Вот, мама пекла, угощайтесь.

Сергей, успевший побывать в первой чеченской кампании, получил в бою ранение. И, после лечения отдохнув в отпуске, возвращался в свою часть. С семьёй, как и у многих офицеров, не сложилось. Саднило душу, что жена прервала его общение с дочерью, сама вышла замуж. И он знал, что где-то в Питере бьётся сердце его родной доченьки, которая уже невеста или, может быть, вышла замуж.

Евгений Валерьянович вёл себя развязно, голос его стал визгливым, напоминая визг поросёнка:

– Так что, военный, останешься ты без работы, а делать, наверно, ничего не умеешь.

Сергей вспыхнул:

– Ты рот свой прикрой, прошу, ты ведь по ходу не служил в армии. Ещё раз прошу – замолчи или перемени тему.

В купе воцарилась тишина. Поезд снова остановился, и в купе вошли двое мужиков. Первый, лысоватый, поставив на стол сразу шесть бутылок пива, обратился ко всем:

– Ну чо, фраера, попьём пивка для разгону.

И, обернувшись к своему сотоварищу, сказал:

– Садись, Андрюха. Ну, чо припухли, фраера? Щас пивка бахнем, в картишки поиграем. Лысоватый, слегка ударив сидевшего ближе всех Сергея по плечу, посмотрел на Любовь Андреевну:

– А ты ничего баба, симпотная.

Вид у мужиков был угрожающим, кисти рук сплошь в наколках. Любовь Андреевна перепугалась, быстро заморгала глазами и подумала в этот миг, что уж лучше бы Евгений повизгивал, чем эти... У Сергея заходили желваки. Лысый радостно оскалился:

– Гляди, Андрюха, припухли, вот бараны.

Сергей быстро поднялся:

– Пойдём, мужики, покурим в тамбуре?

Лысый, дыша перегаром прямо в лицо Сергею, зашипел:

– А ты не боишься, курва?

Сергей, открыв дверь купе, вышел, приглашая за собой мужиков. Едва оказавшись в тамбуре, резким ударом ноги Сергей уgomонил сотоварища лысого. Тот, прижавшись к стенке, медленно опускался вниз, скорчившись от боли. Лысый же в этот момент успел выхватить нож. Но рука его от приёма Сергея вмиг ослабла, и нож упал на пол. Сергей, умело сжав пальцы на горле лысого, сказал:

– Чувешь, что я тебе сейчас позвоночник сломаю?

Лысый, вытаращив глаза, закивал головой.

– Значит так, идёшь сейчас со своим товарищем в купе, сидите там тихо. Я на войне был, ребят в бою терял. Словом, кивни, если понял.

Лысый снова торопливо кивнул. Возвратившись в купе, Сергей застал совсем другую картину, чем прежде. Лицо Евгения Валерьяновича протрезвело и преобразилось. Он в прямом смысле набросился на Сергея с объятиями:

– Ну, что там? Мы с Любовью Андреевной за вас испугались.

Любовь Андреевна взволнованно произнесла:

– Сергей! Вы живы! Слава Богу!

Весь оставшийся путь в этом купе и в вагоне было тихо. Подъехали к станции, где сходил Евгений Валерьянович. На прощание он взволнованно сказал:

– Простите меня, Сергей! Офицеры и солдаты будут нужны всегда!

Прошло с тех пор более двадцати лет, а Любовь Андреевна всё вспоминает офицера по имени Сергей. И в праздники, и в будни на своей страничке в «Одноклассниках» она всегда поддерживает военных и от души уважает. Как-то за чаем Любовь Андреевна взволнованно рассказала своим подругам:

– Один из наших русских учёных сказал примерно следующее: «Солнце – это футбольный мяч, земля наша на расстоянии от этого мяча в десяти сантиметрах похожа на маковую крупинку». Знаете, дорогие подруги, я часто Сергея вспоминаю, о нём я вам рассказывала.

Затем, помолчав совсем немного, добавила:

– И вот на этой маковой крупинке Сергей заступ за нас принял.

Женщина смолкла, потом снова заговорила:

– Он ведь после о жизни своей мне рассказал. Жена от него ушла, дочку забрала. Не вынесла тягот офицерской службы.

Любовь Андреевна тихо заплакала – глубока и безмерна была её любовь к военному Сергею, может, уже давно убитому на войне, а может, живущему сейчас на пенсию...